

- Так что да, я хочу укунить тебя. - Тогда сделай это.

Страх, что будет больно, внезапно исчез. Люциан удивленно уставился на меня: «Это может причинить боль», - предупредил он. Несмотря на его предупреждение, я обнажила перед ним шею, затем обняла его и потянула к себе поближе.

Некоторое время он колебался, но затем уткнулся лицом в изгиб моей шеи. Его язык медленно скользил по моей коже, как будто он хотел насладиться вкусом. Я вцепилась пальцами в его волосы и наклонила голову в сторону, давая ему больше доступа. Люциан сосал и кусал мою шею, пока она не заболела и ее не стало покалывать от странного ощущения. Это было почти так, как если бы я сама хотела, чтобы меня укусили.

Когда его зубы сжали мою кожу, вздох вырвался из моих губ. Он приблизился. Я держалась за него и плотно закрывала глаза как в предвкушении, так и от волнения. Люциан схватил меня за волосы и наклонил голову назад. Затем он провел языком по моей шее в последний раз, прежде чем его острые зубы пронзили мою кожу. Я хныкала от боли, но она быстро сменилась палящим жаром, который воспламенял кровь в моих венах. Тепло, которое заставило все остальное исчезнуть, кроме необходимости быть укушенной. Я горела от желания, медленно теряясь в бредовой похоти. Но потом вдруг вспомнила. Я была беременна. Я открыла глаза.

- Люциан. - Я ахнула. Я мало что знала о беременности, но потеря крови, вероятно, не была полезна для ребенка, и от влаги, капающей мне на шею, я была обеспокоена. Люциан не торопился, слизывая кровь с моей шеи, прежде чем отступить. Его губы были испачканы моей кровью, но одним взмахом языка они вернулись к нормальному состоянию. Я быстро дотронулась до шеи, чтобы посмотреть, не кровоточит ли, но это было не так. Я вздохнула с облегчением, а затем посмотрела на Люциана, который внимательно изучал меня.

- Что не так? - спросила я.

- На этот раз твой вкус какой-то другой, и твой пульс... это странно, но это похоже на то, что у тебя два отдельных сердцебиения. - На его лице появилось хмурое выражение.

Два сердцебиения? Мне потребовалось мгновение, чтобы переварить то, что он сказал.

- Люциан... об этом... Я пришла сюда, чтобы рассказать, что... Я беременна. - Люциан застыл, и в комнате воцарилась тишина.

Я слышала, как бьется мое собственное сердце, и мне казалось, что он навсегда замолчал, прежде чем он произнес: «Что... Ты сказала?»

- Я сказал, что ты скоро станешь отцом, - сказала я ему немного громче и увереннее.

Постепенно Люциан сделал несколько шагов назад, а затем отвернулся. Боже мой! Он не был счастлив. Спрыгнув со стола, я подошла к нему, положила руку ему на плечо: «Я пойму, если ты не рад».

Отсутствие хороших отношений как с его настоящим отцом, так и с тем, кого он считал своим отцом, могло объяснить его реакцию.

- Не рад? - Он осторожно повернулся ко мне и схватил меня за руки. - Я не просто счастлив, Хейзел. Мне повезло. Ты сделала меня самым удачливым человеком на земле, хотя я этого не заслуживаю. - Я могла видеть смесь эмоций в его глазах. Счастье, печаль и беспокойство.

- Ты заслуживаешь каждого кусочка этого счастья, - заверила я. - И ты будешь удивительным отцом.

Его руки скользнули вверх к моему лицу, нежно прикасаясь. - Хейзел, ты благословение в моем проклятом существовании.

Я не знала, быть счастливой или огорченной словами, поэтому я просто наклонилась к нему и поцеловала. Инстинктивно казалось, что он найдет утешение в моем поцелуе. По крайней мере, я надеялась на это. Люциан поцеловал меня в ответ, на этот раз держа меня в своих объятиях и нежно целуя. Такие моменты заставляли меня мечтать о том, чтобы никогда не покидать его объятий. Остаток дня Люциан провел рядом со мной, чтобы быть как можно ближе.

Он следовал за мной повсюду, осыпая меня объятиями, поцелуями и похвалами. Он продолжал говорить всем, чтобы они особенно заботились обо мне с тех пор, как я оказалась беременна, и он даже назначил специального повара, узнав о моей тошноте и потере аппетита: «Ты будешь служить моей жене и только ей. Обязательно узнай, что ей нравится и...» - Он продолжал постоянно пичкать меня здоровой пищей и подавать ее вовремя или в любое время, когда мне захочется поесть. Он даже конкретно сказал повару, чтобы он не подавал еду, которая имела сильный запах.

Позже в тот же день Люциан договорился о том, чтобы акушерка пришла и обучила слуг, что делать при беременности, чтобы они могли лучше заботиться обо мне. Это заставило горничных упасть в обморок из-за Люциана.

- Король такой романтичный. Он так хорошо заботится о своей жене. Он такой красивый и нежный. Королеве так повезло. Он даже короновал ее на собственной церемонии коронации! О, я хочу найти такого человека.

Я стояла возле комнаты, где горничные получали лекцию о беременности, и слушала их болтовню. Они не могли удержаться от того, чтобы не восхвалять Люциана и визжать в восторге.

- Должна ли я соблазнить его? - Одна горничная прошептала другой. При этом Оливер усмехнулся, и губы Каллума изогнулись в ухмылку.

- Должен ли я преподать ей урок? - прошептал Оливер. Если бы я была старой, я бы отмахнулся от этого, но после того, как я немного получила знания о жизни во дворце, я поняла, что иногда было бы неплохо сообщать людям о своем месте.

- Приведи ее в мою комнату, - приказала я. Оливер кивнул и вошел внутрь. Я повернулась на каблуках, чтобы вернуться в свою комнату, но внезапно пол под моими ногами закачался. Мои руки инстинктивно искали что-то, за что можно было бы схватиться, но я только схватила разреженный воздух и почти упала, прежде чем почувствовал, что сильные руки несут меня вверх.

- Извините за мое поведение. Я просто отнесу вас обратно в вашу комнату. - сказал Каллум.

- Каллум, отпусти меня, я могу ходить самостоятельно. - Я запротестовала.

- Его Величество не пощадит мою жизнь, если я позволю вам упасть.

- Теперь ты мой охранник. Никто не причинит тебе вреда без моего разрешения. - Улыбнулась

я ему. При этом он просто улыбнулся. Как только мы прибыли в мою комнату, он осторожно положил меня на кровать.

- Вы хотите, чтобы я позвал акушерку? - Я покачала головой.

- Сейчас я в порядке.

Вскоре после этого Оливер пришел со служанкой. Он держал ее за руку и проводил внутрь. Когда они были достаточно близко, он положил одну руку ей на плечо и толкнул ее на колени. Я знала эту горничную. Джессика. Та, что превратила мою жизнь в сущий ад, работая на кухне. Теперь она осмелилась такое говорить?!

- Джессика!

- Моя королева, - она дрожала, опустив глаза в пол.

- Ты знаешь, почему ты здесь? - спросила я. - Она кивнула. - Почему? - Я... Я не была добра к вам... когда... на кухне... - Она заикалась. По крайней мере, она помнила. -

- Это не то, почему ты здесь, - сказала я ей. - Ты находишь моего мужа привлекательным?

При этом она посмотрела на меня и яростно покачала головой: «Я бы не осмелилась, моя королева. Я... Я прошу прощения, если я что-то сказала». - Она сложила руки вместе, ее лоб слегка покрылся потом.

- То есть ты считаешь, что мой муж не привлекателен? - спросила я. Я хотела немного помучить ее. Ее глаза расширились.

- Я бы не осмелилась...

- Ты находишь его привлекательным или нет? - оборвала я ее.

- Я... О... - Она плотно закрыла глаза, как будто это заставило бы все это исчезнуть. - Он есть... очень... - Как раз тогда, когда она собиралась заговорить, Люциан вошел в комнату. Он сделал паузу, когда обратил внимание на ситуацию.

- Что происходит? - спросил он.

Я протянул руку, жестом показав, чтобы он подошел и сел рядом со мной. Люциан взял меня за руку и сел рядом со мной. Он вопросительно огляделся.

Я повернулась к Джессике.

- Джессика. Его Величество здесь. Почему бы тебе не посмотреть на него и не сказать мне, находишь ли ты его привлекательным или нет. - Джессика покачала головой и склонилась еще ниже. - Это приказ, - сказала я более строго.

Она нерешительно подняла голову, дрожа и потея еще больше. Ее глаза с трудом открылись, прежде чем она смогла взглянуть на Люциана.

- А теперь скажи мне. Ты находишь Его Величество привлекательным или нет? - спросила я.

Она сощурила глаза, и ее лицо искривилось от страха. В течение короткого времени мне стало неловко из-за этого допроса, но потом я вспомнила, как сильно мои руки и ноги болели после

стирки одной и той же одежды снова и снова, когда Джессика ее вновь пачкала после стирки. Как моя кожа горела под солнцем и как моя голова пульсировать от жары. Это снова разозлило меня.

Джессика медленно кивнула.

– Я тебя не слышу, – сказал я.

– Его... Его Величество привлекателен. – Она часто дышала, глядя на него в восхищении и страхе.

– Видишь, это было не так сложно, – сказала я ей с улыбкой. – Ты можешь уйти сейчас.

Она обратила свой взгляд на меня, широко раскрыв глаза в растерянности. Она, вероятно, думала, что это какой-то трюк и что я убью ее позже. Может быть, несколько бессонных ночей заставят ее дважды подумать, прежде чем говорить неуместные вещи или усложнять чью-то жизнь в следующий раз. Она медленно поднялась на подкашивающихся ногах. Я кивнула Оливеру, чтобы он помог ей вернуться, так как ей было трудно стоять. Оливер схватил ее за руку, чтобы поддержать и помог ей уйти. Каллум последовал за ними, оставив нас в покое.

Как только они исчезли из поля зрения, я повернулась к Люциану: «Я была слишком резкой?»

Люциан улыбнулся и погладил меня по голове: «Молодец, – произнес он довольным тоном. – Таким образом, ты наказала ее, но показала ей, что можешь быть милосердной. Откуда ты этому научилась?» – спросил он.

– Я прочитала несколько книг, – с гордостью сказала я ему. – Он поцеловал мои волосы.

– Я вижу, что ты была занята без меня.

– Конечно. Я хочу быть кем-то, достойной тебя.

– Ты более чем достойна. Я тот, кто не достоин тебя, – сказал Люциан.

– Почему? Потому что ты не мог защитить меня? Или потому, что ты не мог вспомнить меня? Обеих этих вещей можно было бы избежать, если бы я была менее эгоистична и позволила тебе жениться на Кларе. Вместо этого я позволила тебе умереть, и пока я была здесь, жалея себя из-за мелочей, ты был один в этом темном месте, умирая снова и снова. То, что ты чувствовал себя таким виноватым и потерял память, заставляет меня чувствовать себя еще более виноватой. Я знаю, что ты делал все возможное, чтобы защитить меня, но я не могу сказать то же самое о себе. Поэтому никогда не чувствуй себя виноватым и не говори, что ты не достоин меня. Я больше не хочу, чтобы тебе было больно. Только не это. Забудь о пытках Пьера или кого-либо еще. Просто будь со мной и позволь мне сделать тебя счастливым.

Мне надоело, что он причиняет себе боль. Я очень хорошо знала, чего мне не хватает, но всегда извинялся Люциан. Почему он извинялся, когда он был тем, кто умер, защищая нас?

– Хейзел... – Его голос сорвался, как будто он собирался заплакать. Затем он отвернулся, как будто не хотел, чтобы я видела его таким. Я встала перед тем местом, где он сидел, и обхватила его лицо руками, заставляя его смотреть прямо на меня. Его глаза были мокрыми от слез.

– Люциан! Со мной тебе не нужно терпеть боль в одиночку. Будь то счастье или боль, поделись

этим со мной, – сказала я.

Люциан обхватил руками мою талию и уткнулся лицом в мою грудь. Его плечи неудержимо тряслись, в то время как он молча изливал свое горе у меня в руках. Я прижала его ближе и гладила его волосы, пока он не освободился от всей боли и печали, которые мучили его. Затем мы легли в постель, молча держась друг за друга.

– Спасибо. – Наконец, заговорил он, глядя в потолок. Он, казалось, стеснялся так плакать. Почему мужчины стеснялись плакать?

– За что?

– За все, – сказал он.

– Тогда могу ли я попросить тебя кое о чём?

Он повернулся ко мне. «Проси о чем хочешь».

– Может ли твоя мать остаться здесь? Она мне нужна сейчас, когда я беременна ребенком-демоном. Никто не знает больше, что делать во время беременности, чем она.

На самом деле это было просто оправданием. Я хотела, чтобы Люциан сблизился со своей матерью. Я знала, что он беспокоился о ней, пока она была здесь. Когда она находилась без сознания, я несколько раз находила его в ее комнате, сидящим рядом с ее кроватью, ожидая, когда она проснется. Он позаботился о том, чтобы привести врачей и справлялся о ее здоровье, но как только она очнулась, он избегал ее большую часть времени.

За исключением одного вечера, когда я обещала прогуляться с Ирэн по саду, так как ей было трудно ходить в одиночку. Когда я приехала, я уже обнаружила, что она получает помощь от Люциана. Он предложил ей руку, и она крепко держалась за нее, в то время как он терпеливо вёл ее по саду. Я был рада видеть прогресс, но также была разочарована, так как никто из них ничего не говорил.

– Если это то, что ты хочешь, она может оставаться здесь столько, сколько захочет, – сказал он.

<http://tl.rulate.ru/book/44137/1846162>